

Шаламов В.Т. Воспоминания / Подгот. текста и коммент. И.П. Сиротинской. - М.: Олимп; Астрель; Изд-во АСТ, 2001. - 384 с. - (Мемуары). - Портр. авт.: 1-я с. обл.

- 285 -

Александр Константинович Воронский

Александр Константинович Воронский был человек романтический, твердо уверенный в непосредственном действии художественного произведения на душу человека, на его деяния и поступки. С верой в это облагораживающее начало литературы Воронский и действовал.

Осуждал Лассалья за то, что тот погиб на дуэли из-за женщины, не прощал страстям Пушкина, приведшим его к смерти, но сам готов был погибнуть на дуэли в споре за какой-нибудь классический идеал, вроде Андрея Болконского.

Героям Достоевского был чужд, сторонился всей этой темной силы, не понимал и не хотел понимать.

Воронский был романтический догматик.

Никаких других оценок, кроме полезно — не полезно, у Воронского по существу не было.

К стихам относился так, как к прозе — по примеру Белинского.

- 286 -

Есенинский талант признавал, но не хотел видеть, что успехи Есенина вроде поэм о 26, о 36 и даже «Анна Снегина» — все это вне большой литературы, что «Москва кабацкая», «Инония», «Сорокоуст» не будут превзойдены.

Столкновение с этой поэтикой привело Есенина к смерти.

И «Русь советская», «Персидские мотивы» и «Анна Снегина» значительно ниже по своему художественному уровню, чем «Сорокоуст», «Инония», «Пугачев» или вершина творчества Есенина — сборник «Москва кабацкая», где каждое из 18 стихотворений, составляющих этот удивительный цикл, — шедевр русской лирики, отличающийся необыкновенной оригинальностью, одетой в личную судьбу, помноженную на судьбу общества — с использованием всего, что накоплено русской поэзией XX века — выраженной с ярчайшей силой.

Но не только «Анна Онегина» и «Русь советская» — тут еще найден какой-то удовлетворительный компромисс за счет художественности, разумеется, при всей их многословности, антиесенинском стиле по существу — у Есенина нет сюжетных описательных стихов.

Есенин — это концентрация художественной энергии в небольшом количестве строк — в том его сила и признак.

Но речь даже не об «Анне Снегиной». Есенин написал и поспешно с помощью Воронского и Чагина опубликовал плоды своей перестройки и «отказался от взглядов» — по модному тогдашнему выражению.

«Баллада о двадцати шести», «Баллада о тридцати шести», все это, как и прежде делаемые попытки в том же направлении — стихотворение «Товарищ», — вне искусства.

- 287 -

Попытки насиловать себя и привели к самоубийству. Сейчас мы знаем, что наряду с этой халтурой Есенин писал и «есенинские» стихотворения «Метель», «Черный человек»...

В то время каждый «вождь» оказывал покровительство какому-либо писателю, художнику, а подчас оказывал и материальную помощь.

Троцкий покровительствовал Пильняку, Бухарин — Пастернаку и Ушакову, Ягода — Горькому, Луначарский и Сталин — Маяковскому.

Троцкий написал о Пильняке несколько статей, требуя взаимной любви и ее доказательств.

«Талантлив Пильняк - но многое с него и спросится» — так оканчивалась статья Троцкого о «Голом годе» Пильняка.

Ягода покровительствовал Горькому. Не следует думать, что имя Горького открывало в двадцатые годы чьи-либо двери. Горькому никогда не простили его позиций в 1917 году, его выступления в защиту войны 1914 года. Положение Горького было более чем шатко, и РАПП и Маяковский травили Горького, не говоря уже о Сосновском ¹, в сущности выполняя партийное решение.

Партийная точка зрения на Горького была изложена в специальной статье Теодоровича ² «Классовые корни творче-

¹ Сосновский Лев Семенович (1886—1937) — член РСДРП(б) с 1904 г. В 1912—1913 гг. работал в «Правде», в 1921 г. — зав. агитпропом ЦК РКП(б).

² Теодорович Иван Адольфович (1875—1937) — член РСЛРП(б) с 1895 г., избран в члены ЦК партии в 1907 г.; историк революционного движения.

ства Горького» (люмпен, волжские буржуазные антиленинские выступления, дружба с Богдановым, который — антиленинской школы на деньги миллионера Горького).

Обеспечить Горькому спокойную жизнь и взял на себя Генрих Ягода. Это было солидной поддержкой.

Со Сталиным Горький сговорился быстро и после расстрела своего друга Ягоды выступил с известным заявлением «Если враг не сдается — его уничтожают».

Тут уже Горькому не нужна была помощь и поддержка второстепенных лиц. Сталина Горький боялся панически.

Всеволод Иванов оставил рассказ о своем приглашении на завтрак к Горькому на Николину Гору.

Во время завтрака в столовую вошел сын Горького — известный автомобилист-любитель Максим и сказал: «Папа, я сейчас обогнал машину, кажется, Иосифа Виссарионовича».

Дачи Горького и Сталина были рядом.

Горький побледнел, побежал извиняться, завтрак прервался, и когда хозяин вернулся, на нем не было лица, и гости поспешили уйти. Этот красочный эпизод описан в журнале «Байкал» в 1969 году в № 1.

Но что происходило во второй половине тридцатых годов, стало возможно рассказать в куцем виде лишь через тридцать лет.

О двадцатых же годах и сейчас ничего правдивого не напечатано.

Но вернемся к меценатам, партийной политике самого верха.

Николай Иванович Бухарин в докладе на I Съезде писателей назвал Пастернака первым именем в русской поэзии.

- 289 -

Но вместе с Пастернаком надеждой русской поэзии Николай Иванович назвал Ушакова.

В этом не было ничего необыкновенного.

Своими первыми книжками «Весна республики» и «50 стихотворений» Ушаков сразу вошел в первые ряды современной русской поэзии. От него ждали, к нему протягивали руки левовцы, конструктивисты, рапповцы, спеша заполнить новый бесстрашный талант в свои сети.

Николай Николаевич Ушаков, человек скромный, убоился веселой славы и отступил в тень, не решаясь занять место в борьбе титанов вроде Маяковского и Пастернака. От Ушакова ждали очень много. Он не написал ничего лучше первых своих сборников.

Сталин покровительствовал Маяковскому. Оба деятеля обменивались комплиментами. Сталин на заявлении Лили Брик написал резолюцию, адресованную Н. И. Ежову: «Маяковский лучший талантливейший поэт нашей советской эпохи. Равнодушие к его памяти преступление».

Маяковский еще раньше сочинил стихотворение на ту же тему:

Я хочу, чтоб к штыку
приравняли перо,
С чугуном чтоб и с выделкой
стали,
О работе стихов на Политбюро
Чтобы делал доклады Сталин.

Пастернак решил обезопасить себя от мстительной враждебности Сталина, выражаемой против всех, кого хвалят враги, и написал сам стишок о Сталине в 1934 году, назвав цикл «Художник»:

- 290 -

Живет не человек —деянье,
Поступок ростом в шар земной.

Это стихотворение не только спасло Пастернака, но удостоило личной беседы по телефону со Сталиным, хотя не по поводу своей оды.

До сих пор никто не может понять, как поэт, к которому резко отрицательно относился Ленин, вписан в историю и позднее даже в школьный учебник.

Маяковского вписали Сталин и Луначарский. Когда Горький жил на Капри и начинались переговоры о столь деликатном деле, как возвращение Горького в Советский Союз, Маяковский опубликовал в «Новом Лефе» свое письмо Горькому.

Воронский получил от Горького письмо, что он, Горький, пересмотрит свое решение о возвращении, если ему не гарантируют исключения подобных демаршей со стороны кого бы то ни было.

Воронский ответил, что он поставил об этом в известность членов правительства и Алексей Максимович может не беспокоиться. Маяковский будет поставлен на место.

Оба письма есть в архиве Горького.

К кому из членов правительства обращался Воронский? Не к Сталину же... И вряд ли к Луначарскому.

Во всяком случае переговоры велись через Воронского, а Воронский отнюдь не был поклонником Горького — ни как художника, ни как общественного деятеля.

На многолюдном диспуте с Авербахом и рапповцами Воронский оспорил принадлежность Горького к пролетарской литературе (Гладков, Ляшко, Бахметьев и т. п.). Воронский потрясал перстом, и наброшенная для тепла бекеша спадала

- 291 -

с плеч. В конце концов Воронский сбросил бекешу, положил ее на кафедру и договорил речь без бекеша — и потом только одел в рукава и сел за деревянный, некрашенный стол президиума.

В 1933 году я был на чистке Воронского в Гослите. Последняя работа Александра Константиновича в Москве — старший редактор Гослита. Сам Гослит помещался тогда в Ветошном переулке.

Чистку вел Магидов, старый большевик.

И Магидов, как и Теодорович — да все, все без исключения люди, чьи фамилии были в первых рядах строителей новой жизни, — все были уничтожены Сталиным, физически уничтожены.

Воронский рассказал о своей жизни, о том, что, дескать, ошибался, работал там-то и там-то.

Вопросов никаких не задавалось, народу было немного, человек шестьдесят в зале, а то и меньше. Магидов уже приготовился продиктовать секретарю: «Считать проверенным», как вдруг из задних рядов поднялась рука, просящая слова для вопроса.

Встал какой-то молодой парень. На лице его написано было искреннее желание постичь ситуацию, не уколоть, не намекнуть, а просто понять — для себя.

— Скажите, товарищ Воронский, вот вы были выдающимся критиком. Уже давно в советской печати не видно ваших критических статей. Вот вы написали книгу о Желябове — это хорошо. Воспоминания написали еще лучше. Повести, наконец главу «Урагана». Все это очень хорошо доказывает большой запас творческой энергии. Но критика, критика-то ваша где?

- 292 -

Воронский помолчал и ответил спокойно, неторопливо и холодно:

— По возвращении из липецкой ссылки я сломал свое перо журналиста.

Парень в задних рядах восторженно закивал головой, сел, пропал из глаз, и Магидов вызвал очередного на проверку.

Александр Константинович Воронский как редактор двух журналов — «Красной нови» и «Прожектора», как руководитель крупного издательства («Круг») и вождь литературной группировки «Перевал» отдавал огромное количество времени, энергии, сил нравственных и физических чтению чужих рукописей. Стихов всегда писалось много, и самотек двадцатых годов представлял такое же бурное море, как и сейчас.

Я сам был консультантом по художественной литературе при Центральной рабочей читальне им. Горького в Доме союзов в тридцать втором и тридцать третьем году. Поток рукописей, беседы с авторами и прочее. А ведь библиотека не журнал.

Александр Константинович читал день и ночь и ничего, понятно, путного не нашел, ни одного имени из самотека не поднял и не мог поднять — ибо в мешанине такой количество и качество особые. Вот эту особенность искусства и не хотели принимать догматики и теоретики, реалисты и романтики, отшельники и дельцы.

Ни одного нового имени в литературе, которое бы вышло рукоположенное Воронским.

Чтение чужих рукописей — худшая из худших работ. Неблагодарное занятие. Но теоретические убеждения застави-

- 293 -

ли Воронского обращаться в новых поисках и с новым вниманием. Впрочем, это внимание стал разжевывать скепсис со временем. Дочь Воронского рассказывает, как принимал иногда отец чью-нибудь объемистую рукопись.

— Как фамилия автора?

— Пупырушкин.

Александр Константинович взвесил на руке бумажную тяжесть.

— Вышлите назад. Не пойдет.

— Почему? — недоумевала дочь.

— Потому, — назидательно говорил Воронский, — что если это талантливый автор, обладающий литературным вкусом, он писал бы под псевдонимом.

Резон тут, конечно, есть.

Тогда все ждали Пушкина: вот-вот пять лет пройдет — и появится новый Пушкин, ибо капитализм — это такой строй, который «мял и душил», а теперь...

Время шло, а Пушкина все не было. Постепенно стали понимать, что искусство живет до особым законам, вне общественных коллизий и не ими определяется.

То же самое внимание обращал в своей переписке, в своей писательской деятельности и Горький. Та же была политика и те же неудачи.

Кого в литературу ввел Горький? Ни чести, ни славы горьковские восприемники не принесли.

Мы не однажды заводили разговор с Воронским о будущем. Воронский не на новые фигуры надеялся, а на то, что все талантливые писатели перейдут на сторону советскую. А не перейдут — им не дадут писать — «Кто не с нами!».

Поэтому Мандельштам и Ахматова были и для Воронского чуждым советской власти элементом.

- 294 -

Будущее Александр Константинович рисовал перед нами в классическом стиле всеобщего расцвета, роста всех потребностей, удовлетворения всех вкусов.

Как-то случилось на ту же тему побеседовать с Раковским ¹. Раковский вежливо выслушал мальчишеские наши мечты и улыбнулся.

«Я должен сказать, ребята, — он так и сказал «ребята», — хотя у него были студенты университета, — что картина, нарисованная вами, привлекательна. Но не забывайте, — и Раковский улыбнулся, — что это представления людей буржуазного общества. И мои и, главное, ваши, ваши, хотя вы меня и моложе на сорок лет — такие представления, идеалы буржуазного общества. Никто не знает, каким будет человек коммунистического общества. Какими будут его привычки, вкусы, желания. Может быть, он будет любить казармы.

Мы с вами вкусов его не знаем, не можем представить».

Много лет позже этого разговора попалась мне в руки автобиография Ганди. Ганди пишет о своей религии так. Человек должен интересоваться самоотречением, а не загробной жизнью, которую надо заслужить самоотречением. Если аскет на земле выполнит свой долг — то какую загробную жизнь лучше этой может он себе представить...

Как случилось, что Воронский настолько хорошо был знаком с Лениным, что даже организационное собрание первого советского литературно-художественного журнала «Красная новь» было на квартире Ленина в Кремле. На этом

¹ Раковский Христиан Георгиевич (1873—1941) — дипломат, член РСДРП(б) в 1917—1927, 1935—1937 гг., член УК партии 1919—1927 гг.

первом собрании присутствовали Ленин, Крупская, Горький и Воронский. Воронский делал доклад о программе нового журнала, который он должен был редактировать и где Горький руководил литературно-художественной частью.

Для этого первого номера Ленин дал свою статью о продалоге.

В каком-то мемуаре я прочел, что Ленин присмотрелся к газете «Рабочий край» — в Иванове, которой руководил Воронский, и вызвал его для новой работы. Разгадал в нем автора еще не написанных книг по искусству.

На самом же деле Александр Константинович Воронский, профессиональный революционер, большевик-подпольщик, член партии с 1904 года, был одним из организаторов партии. Воронский был делегатом Пражской конференции в 1912 году, партийной конференции, которую проводил Ленин в один из самых острых моментов партийной истории. Депутатов Пражской конференции было всего восемнадцать человек.

Личные качества Воронского — бесребреник, принципиальный, скромный в высшей степени — иллюстрированы по рассказам Крупской, Ленина. Воронский стал близким личным другом Ленина, бывавшим в Горках в те последние месяцы 1923 года, когда Ленин уже лишился речи. Крупской написано о тех, кто посещал Ленина в Горках в то время:

Воронский, Евгений Преображенский¹, Крестинский².

¹ Преображенский Евгений Алексеевич (1886—1937), экономист, член РСДРП(б) с 1903 г., член ЦК в 1920-1921 гг.

² Крестинский Николай Николаевич (1883—1938), член РСДРП(б) с 1903 г., член ЦК партии (1917—1921).

Сейчас все это вошло в справочники, приезд Воронского к Ленину 14 декабря 1923 года записан. Но не записан другой приезд, более поздний, в конце декабря, когда Александр Константинович был у Ленина на елке рождественской. Этот факт еще юридически не удостоверен.

Это свидетельство Крупской удалось опубликовать лишь через пятьдесят (!) лет в 1968 году (в сборнике «Волго-Дон» т. I, стр. 196).

Первая часть воспоминаний А. К. Воронского «За живой и мертвой водой» вышла в издательстве «Круг», которое Организовал сам Воронский как руководитель «Перевала» в 1927 году. Писалась же первая часть в 1926 году — начало бурных партийных и литературных сражений.

Так называемая оппозиция, молодое подполье, в первую очередь нуждалось в самых популярных брошюрах с изложением элементарных правил конспирации.

Кравчинский, Бакунин, Кропоткин — все это штудировалось, изучалось молодежью, прежде всего студенчеством.

Задачу быстро написать катехизис подпольщика, где читающий мог научиться элементарным правилам конспирации, поведению на допросах, и взял на себя Александр Константинович Воронский.

Фишелев дал типографию, где набирал платформу 83, основной оппозиционный документ. Троцкий и его друзья Радек, Смилга, Раковский выступали с письмами, и эти платформы перепечатывались, развозились по ссылкам.

Александр Константинович Воронский взял на себя особую задачу — дать популярное руководство поведения.

Таким руководством и были вторая и третья части мемуаров «За живой и мертвой водой».

- 297 -

Вторая часть напечатана в журнале «Новый мир» в № 9—12 1928 года. Эта вторая часть имела особый эпиграф из Лермонтова.

И маршалы зова не слышат.

Иные погибли в бою,

Другие ему изменили

И продали шпагу свою.

Этот в высшей степени [выразительный] эпиграф был снят в отдельных изданиях.

Вторая часть, где любой арестованный и ссыльный может получить добрый практический совет, очень высоко оценивалась среди оппортунистической молодежи.

Это — главная книга, настольное пособие молодых подпольщиков тех дней.

Имеется пример делегатов Пражской конференции, решившей судьбу России — всех делегатов было восемнадцать человек.

Воронский написал в своей книге чрезвычайно коротко о своей близости к Ленину. Ленин был очень скромный, но еще более скромным был сам Воронский. Черты скромности у них обоих одинаковы.

В оппозиции А. К. Воронский был председателем УКК подпольным. Ведь оппозиция строилась как параллельная организация с теми же «штатами», но «теневыми».

Вне всякого сомнения, что, отказываясь от взглядов по модной тогдашней формуле, Воронский не занимал никакого даже теневого поста в подполье. Но когда-то, в какой-то день и час он этот подземный теневой пост занимал.

Мне известно также об исключительном отношении В. И. Ленина к А. К. Воронскому. Жорж Каспаров, сын секретарши Сталина Вари Каспаровой, которую Сталин загнал

- 298 -

в ссылку и умертвил, говорил мне в Бутырской тюрьме в 1937 году весной, что Надежда Константиновна Крупская по просьбе Ленина — а Воронский бывал в Горках у Ленина во время его болезни, как личный друг, личный приятель — <спасала Воронского, пока могла>.

Из многолетнего чтения издательского и журнального самотека Воронским был сделан правильный вывод, что талант — это редкость. И Воронский обратил сугубое внимание на приближение к революции так называемых «попутчиков».

На попутчиках сломал себе шею РАПП, и также и нигилисты из ЛЕФа.

Роспуск РАПП шел мимо Воронского и пользы Воронскому не принес.

Воронскому к этому времени — начало тридцатых годов — был вменен худший грех, по сравнению с которым литературные сражения считались, да и на самом деле были делом менее важным.

1928 год — аресты по всей Москве, разгром университета. Воронский получил свою долю. Раковский, Радек, Сосновский — в политизоляторах. Воронский — в ссылке в Липецке. Это объясняется энергичным ходатайством Крупской, которой, по ее словам, поручил Ленин присматривать за здоровьем Воронского.

Крупская, сама подписавшая основную программу — платформу 83 — спасала жизнь Воронского, пока могла.

В 1938 году Крупская умерла.

По сведениям печати, смерть Воронского отнесена к 1944 году. На самом же деле никто из товарищей с Воронским позже 1937 года не встречался. Личное следственное дело Воронского уничтожено неизвестной рукой.

- 299 -

Воронский подписал платформу 83 — основную программу левой оппозиции, под этим именем программа вошла в историю. Однако первоначальная программа эта называлась платформа 84. Восемьдесят четвертой была подпись Крупской, которую впоследствии Крупская сняла под нажимом Сталина. В Москве мрачно острили, что Сталин угрожал Крупской, что объявит женой Ленина Артюхину ¹. Эти мрачные остроты не очень были далеки от истины. Примеров этому в истории было сколько угодно.

Крупская даже выступала в защиту оппозиции на какой-то партийной конференции, но была немедленно дезавуирована Ярославским.

По специальному решению — уточнению сего деликатного и кровавого предмета — лидеры, т. е. подписавшие платформу, письма в ЦК и так далее, лишались права партийной реабилитации и восстанавливались в правах только гражданских.

Но это решение было принято не сразу. Задолго до этого решения ходатайство о партийной реабилитации возбудила дочь Воронского, на основании несостоявшихся исключений в тридцатые годы, — когда расстрел, уничтожение обгоняли формальности, вроде исключения из партии.

Жена Воронского давно умерла в лагерях, дочь вынесла двадцать два года на Колыме, — пять в лагере на Эдьгене и семнадцать в самой Колыме

Семнадцатилетней девочкой она туда уехала — вернулась седой и больной матерью двух девочек.

¹ Артюхина Александра Васильевна (1889—1969) — советский партийный и государственный деятель, редактор журнала «Работница».

Считал бы Воронский при его принципиальности, высоком нравственном требовании к себе возможным для себя заявление о реабилитации — не знаю. Ответить на этот вопрос не могу. Но дочь подала заявление, и Александр Константинович Воронский получил полную партийную реабилитацию.

Раньше 1967 года о Воронском не писали. Книжки его издавались очень туго. «За живой и мертвой водой» издали только в 1970 году — через пятнадцать лет после реабилитации; сборник критических статей тщательно отфильтровывался, чтобы вытравить сомнительный дух.

Через год или два после реабилитации дочери Воронско-го понадобилась какая-то справка в УК о партийном стаже отца. Работник секретариата, занятый этими делами, сообщил, что выдать справки не может, потому что ее отец реабилитирован неправильно: «Он, как подписавший платформу, не подлежит реабилитации».

Работник УК заявил: «Еще надо поглядеть, кто вашему отцу давал рекомендацию для реабилитации».

Но, посмотрев эти рекомендации, он успокоился и быстро выдал требуемую справку.

Заявление в ЦК о реабилитации Воронского написали Микоян, тогдашний председатель ЦКК СССР, и Елена Стасова.